

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ПЕРВЫЙ РЯД

Часть 1

ИЗЛУЧЕНИЕ

Возвращение в Коровий Мык

Размещаясь в котловине долины Дьява, общинный колледж Коровий Мык предлагает студентам всестороннее гуманитарное и техническое образование, чтобы они могли вести полноценную и плодотворную жизнь. Будучи старостами местного сообщества, мы также верим, что наш особый долг — поддерживать уникальную культуру региона, которому мы служим во имя как нынешнего, так и грядущих поколений.

Из пересмотренной декларации миссии ОККМ

Если по правде, первым моим впечатлением о Разъезде Коровий Мык была не столько полноценность или плодотворность его, сколько усыхание и уныние. Мне только что предложили работу в колледже местной общины, и я, продав все свои мирские пожитки и не оставив родне или друзьям адреса для пересылки — но поклявшись *когда-нибудь* известить град и мир, где я и что я, — вскочил в старый автобус, который доставит меня через полстраны и высадит на обочине при подъезде к этому городку. Тогда стоял конец лета, вся эта область — от Разъезда Коровий Мык по всей шири котловины долины Дьява — переживала худшую на памяти старожилов засуху. Земли ранчо спалило дотла, и золотые травы пастбищ, что во времена повлажней поэтично колыхались от дуновений летнего ветерка, лежали ныне поникшие и бурые сразу за окнами конца августа, уподобляясь бессодержательной прозе. Местное скотоводство, некогда царившее в этом пейзаже, уже впало в агонию, и скотоводы справлялись с бедою, как могли; кустарные предприятия, какие, похоже, всегда отрастают на туше

умирающей промышленности — писательские колонии, студии йоги, ностальгические экскурсии по заброшенным мясокомбинатам и скотобойням, — уже возникали буквально как грибы на коросте навозных куч здешней местности. Область и умирала, и возрождалась. И пока я стоял со своим багажом на жарком солнце и пот обильно струился у меня по загривку, во мне возникло слабое ощущение, что местный воздух утратил способность шевелиться, словно бы ветерок попытался дуть сразу в слишком много сторон, но тут же бросил дуть вообще. Провожая взглядом автобус, я провел ладонью по загривку и стряхнул пот с кончиков пальцев. Затем сел на чемоданы и стал ждать того, кто подбросит меня до городка.

* * *

Президентом общинного колледжа, куда меня наняли, был человек по имени Уильям Артур Фелч, бывший скотовод и ветеринар; высшую школьную должность он занимал уже больше двадцати лет, и все в городке уважали этот дедовский лик высшего образования. Привезти меня в Коровий Мык рекомендовал именно доктор Фелч, невзирая на мое мучительное трехчасовое собеседование с отборочной комиссией, после которого я долго приходил в себя от выслушанных оскорблений и задавался вопросом, и впрямь ли я хочу работать в настолько недееспособном колледже у черта на рогах.

— Вам предстоит столкнуться с глубоким культурным расколом, — предупредил он меня по телефону за несколько часов до собеседования. — Так что будьте готовы к худшему.

«Худшим» оказались дребезжащая телефонная связь и шестерка незримых членов комиссии, которые взялись допрашивать меня обо всем на свете, — от моего любимого Верховного судьи США до взглядов на нынешнюю политическую ситуацию в Разъезде Коровий Мык. Связь была плохая, и я, прислушиваясь, ловил себя на том, что еще и прищуриваюсь, чтобы разобрать слова. Несколько вопросов касались моего сколько-нибудь значимого опыта работы в среде, раздираемой разногласиями: как я мог бы улаживать какие-нибудь гипотетические конфликты, — к при-

меру, что стал бы делать, если бы кто-то из моих коллег попытался обезглавить важного администратора. Задали мне и другой гипотетический вопрос: как бы я отреагировал, узнав, что штатный преподаватель спровоцировал внештатного тем, что оставил в ее рабочем почтовом ящике вздутую телячью мошонку после обеда в пятницу, прекрасно сознавая, что она останется там по меньшей мере до утра понедельника и к тому времени, как эту жуткую пакость обнаружат, будет вся кишеть мухами и личинками. Прозвучал вопрос о пожаре в здании (мне дали список преподаваемых дисциплин — математика, химия, философия, евгеника — и попросили обозначить порядок, в котором я стал бы выволакивать заведующих соответственных кафедр из пылающего и задымленного зала заседаний); а затем мне предложили комплект упражнений на выбор слов (в одном таком — паре существительных «филей-руккола», к примеру, или «сыромьять-тантра» — меня попросили выбрать то, что, по моему профессиональному мнению, в большей степени указывает на продуктивную студентоцентричную среду обучения). В рамках собеседования меня заставили импровизированно изложить мою философию образования белым стихом; затем предоставить самостоятельный критический разбор собственного выступления, и, наконец, подвергнуть самокритике структуру и размер моей самокритики. Кто-то попросил меня выбрать государственное образование современного мира, которое лучше всего характеризовало бы мой темперамент (я предпочел *Бенилюкс*); кто-то еще — назвать мою любимую ветвь христианства (*англиканство?*); а кто-то третий — сравнить два значительных произведения литературы из различных культурных контекстов и предоставить пример того, как эти работы иллюстрируют некую общую тему или принцип (мое сравнение ведической системы образов в Упанишадах с зеленым огоньком Гэтсби в конце пирса завершилось призывом к литературной переоценке этого неизвестного, однако многообещающего произведения Фицджеральда). В ходе собеседования прозвучали и каверзные вопросы, и наводящие, и открытые, где мне предлагалось ровно столько свободы маневра, чтобы я не слишком болтался, повесившись на дереве, как чучело. Мелькнули отсылки к древним геометрам и средневековым поэтам, а так-

же неуклюжее отступление о взлете и падении римского числительного. В какой-то миг комиссия напомнила мне, что я до сих пор не предоставил требуемого образца мочи, после чего я исправно извинился и отошел; вернувшись же в гостиную с пластиковым стаканчиком, над которым курился пар, в одной руке и холодной телефонной трубкой в другой и, описав эту суровую дихотомию с искрометными подробностями, осознал, что комиссию результаты, судя по всему, решительно не тронули.

— Каково ваше величайшее достоинство? — спросили меня.

— Я много всего разного, — ответил я.

— А величайший недостаток?

— Будучи многим разным, — вздохнул я в трубку, — я склонен к тому, чтобы не быть ничем этим *целиком*.

Прочими вопросами, похоже, они выясняли историю моей семьи в Разъезде Коровий Мык: дед мой некогда жил там, пока не перевез жену и детей сначала в другую часть штата, а потом и вообще на другой край страны; теперь же, отчаявшись найти хоть какую-то работу и ухватившись за такое редкое совпадение, я счел наилучшим упомянуть о сем незначительном факте в сопроводительном письме.

— Так вы, значит, *выходец* из Коровьего Мыка? — осведомился один голос в трубке.

— Ну, сам я там, вообще-то, ни разу не бывал. Но слышал множество рассказов... — И тут я изложил им легенду, передававшуюся у нас от предков к потомкам, о том, как мой дед некогда спас тонувшую в реке Коровий Мык суфражистку. Семья наша поистине гордилась его отвагой, и несколько поколений самозабвенно пересказывали друг другу эту историю.

— Вот как! — воскликнул дамский голос как раз в тот миг, когда дед мой укладывал безжизненное, однако еще дышавшее женское тело на речной берег. — Стало быть, вы бы признали вероятность того, что женщины равны мужчинам? Или вы скорее считаете справедливым, что женщина-хирург, производящая аборт в конце срока, должна зарабатывать значительно меньше своего коллеги-мужчины в соседней клинике?

— А если так, — перебил ее другой голос, — поддержали бы вы или не поддержали ту или иную из множества ини-

циатив, призывающих допускать в наши школы красных коммунистов и их гомосексуальных союзников посредством субсидируемых правительством гуманитарных программ?

— И, если позволите... — тут же встрял в разговор третий голос. — В своем заявлении вы утверждали, будто у вас имеется значительный опыт работы с коллегами разнообразного этнического происхождения. Так не могли бы вы рассказать нам, пожалуйста, у кого из них, по-вашему, больше естественные способности к образованию и не полагается ли таковым, следовательно, большее представительство в образовательной среде? Иными словами, подбирая кандидатуру на ответственный административный пост, вы были бы скорее склонны нанять монголоида, европеоида или негроида?..

Далее — четвертый голос:

— Не хочу совсем уж до смерти забивать эту конкретную лошадь, но случись вам видеть, как лошадь забивают до смерти, вы бы вмешались? Или попросту отвернулись бы, как будто это неизбежное следствие жизни? Вроде смены времен года. Или же возникновение и исчезновение той или иной мировой цивилизации вместе с языком ее, культурой и всеми институциями, что дороги ее сердцу?

Три утомительных часа комиссия прошупывала меня и тыкала то одним вопросом, то другим: о моем прежнем опыте работы, моих нынешних наклонностях и моих долгосрочных планах на будущее. Если меня наймут «координатором особых проектов», останусь ли я в Коровьем Мыке? Или же уеду после первого года, как множество иных пришлых людей, нанимаемых, в глаза не видя, по итогам единственного убедительного телефонного собеседования? Куплю ли я себе там дом? Рассчитываю ли жениться? Привезу ли с собой каких-либо домашних животных? Аллергии есть? Занимаюсь ли йогой? Нравится ли мне рыбалка? Охота? Какой грузовик умею водить и сколько в нем цилиндров? Бывали ль у него на переднем сиденье дети? А в зеркальце заднего вида? Не страдал ли я чесоткой в особо запущенной форме? И если да, не готов ли поделиться каким-либо неинвазивным, однако надежным и эффективным средством от нее?

Но самый загадочный вопрос прозвучал под самый конец собеседования, когда уже казалось, будто три часа

милостиво истекли сами собой и все мои разнообразные скелеты эксгумировали и выставили на открытый воздух перед комиссией. На другом конце провода неожиданно — и даже настойчиво — впутался еще один голос:

— Слушайте, — произнес он. — Давайте перейдем к сути дела. Вообще-то мы все желаем знать одно: вы бычати́ну едите или нет? И какую роль — если она существует — должно играть вегетарианство в текущем пережевывании и экскреции новаторских замыслов?

Должен признаться, именно к такому вопросу я не был готов. Но сработал мой примиренческий инстинкт:

— Разумеется, для *всего* бывает время и место, — сказал я в потрескивающую даль дискового телефона. — Если хотите приготовить поистине достойное рагу, вам потребуются и говядина, и овощи!

(Позднее я выяснил, что работу мне обеспечил именно этот безвкусный ответ на вегетарианский вопрос — даже больше моего блистательного памятного ответа на гипотетическую вздутую мошонку, больше моих тонких связей с Коровьим Мыком.)

Комиссия должна была принимать решение дольше двух недель, поэтому мне, после того как я положил трубку, осталось лишь проигрывать в уме данные мной ответы и прикидывать, как их восприняли. По-прежнему ошарашенный, я размышлял, как удалось мне так быстро пасть так низко: от необузданного почти-отличника в старших классах к подающему надежды филологу до усталого выпускника, «обсыхающего», но в баке у него горючки ровно столько, чтобы перевалить за академический финиш, сжимая в кулаке магистерскую степень по управлению образованием с особым упором на общинные колледжи на грани краха. Теперь, после двух неудавшихся браков, быстро сменивших один другой (первый — целиком моя вина, второй — лишь *в первую очередь* моя), и прорвы невзрачных работ, преимущественно ведших туда же, с чего начинались... вот, сижу. Сижу у себя в затрапезной гостиной, пресмыкаюсь перед безликими чужими людьми, в руке — чашка чуть теплой мочи, умоляю дать мне работу в общинном колледже, которого и не видел никогда. Жизнь моя уже превратилась всего лишь в разрозненную мешанину полуначал и почти-промахов. Браки мои тяготели к по-

зору. Работы сочились ядом. («Не могли бы мы снести с поручителями, которых вы указали?» — спросила меня по телефону комиссия. «Я бы не стал», — ответил я.) Друзья приходили и уходили — или же я приходил и уходил от них. Ясно было, что жаркий потенциал моей юности остывал, как чашка забытой мочи в руке. Вдруг что-то неодолимо повлекло меня к безрассудному переезду в пустынное и далекое место посреди истории, оказавшейся не моей. В общем направлении к новому началу. К тому, чтобы взяться за все с нуля. Странно это и удивительно: я поймал себя на том, что хочу этой нежеланной должности в общинном колледже Коровий Мык; интуитивно, должно быть, я чуял бремя прошлого, которое смогу наконец оставить за спиной, если мне выпадет такая возможность. «Только не промотай, — говорил я себе. — Не спусти в канализацию, как ты поступал со многим целесообразным в своей жизни. С женами своими. С карьерой. С дружбами». И, выплескивая холодную мочу в унитаз, я дал себе слово: если мне дадут еще один шанс создать что-либо значимое в жизни, на сей раз я отнесусь к этому прилежней. Ведь жизнь — не случайное слиянье вод, какое можно легко выплеснуть одним махом. Это длинная и привольно текущая река, что блуждает и вьется по-своему странно, однако неизменно достигает назначения. Река состоит из воды, а вода свою суть получает от влаги. Жизнь моя, как я осознал, и есть эта самая река, и слишком уж долго ее перегораживала плотина. Пусть же течет! — сказал я себе. Пусть река моя течет из вечного своего истока сквозь время и пространство к поджидающему меня кампусу общинного колледжа Коровий Мык!

* * *

С предложением должности мне позвонил сам доктор Фелч.

— Мило вы справились со вздутой мошонкой, — сказал он. — С вашей стороны это был вдохновенный ответ. — Я его поблагодарил и сказал, что мне как раз кажется, будто я все испортил — *особенно* вопрос о вздутой мошонке.

— Я рад, что вы меня нанимаете, — сказал я. — И несколько удивлен.

— Ну, легко-то это не было. Характеристики ваши были не то чтоб недвусмысленны. Но после двух недель ожесточенных дебатов у комиссии остались только вы. Поздравляю.

Доктор Фелч очертил условия трудоустройства в Коро-
вьем Мыке и пообещал, что, если я вступлю в должность, он сам возьмет меня под крыло и лично поможет сориентироваться в том культурном расколе в кампусе, что обнаружился при моем собеседовании с комиссией.

— Мы на перепутье, — пояснил он. — Не только сам колледж. Но вся наша община. Нам нужен тот, кто сможет осмотрительно пройти тропу. Тот, кто не отягощен бременем важных дружб или сильных личных убеждений. Такой человек, кто в силах вдохновить других на действия, а сам останется в стороне, неподвзятым и слегка над всею суетой. Тот, кто все это сделать сможет, но сам будет надежен, скучен и обходительно приемлем. Короче говоря, нам нужен годный образовательный управленец. Именно поэтому мы тут возлагаем на вас большие надежды. — Слова эти звучали не то чтобы лестно, но я отнесся к ним всерьез. В кои-то веки двойственность моя, похоже, обратилась достоинством. И более того: моя склонность обходить стороной любые обязательства предлагала нечто многообещающее; странное дело, но она вселяла *надежду!* То, что всегда было моим величайшим проклятьем, теперь стало и великим благом: *будучи многим разным, не быть ничем этим целиком!* На следующий день я перезвонил и принял предложение.

Случилось это месяц назад, и вот я сидел на своем багаже рядом со временной автобусной остановкой и впервые по-настоящему внимательно осматривал окраину собственно городка. Через дорогу стояли два сломанных и покосившихся крытых фургона XIX века, в одном еще догорала индейская стрела. Рядом — автозаправка, на которой возле раскуроченной бензоколонки из другой эпохи в землю возвращалась ржавая «модель Т». На скамье, об-
суждая дневные события, сидели морщинистые мужи. Кассирша в продмаге напротив опиралась локтями на страницы газеты, которую читала; из глубин доносилось надрывное нытье губной гармоника. Сидя там, я озираю зловещую красную глину, раскинувшуюся вокруг меня на века. Сухой

кустарник тянулся до самого горизонта. Мертвый ветер мог затаиться, кажется, на миг, затерянный во времени, а затем вдруг взвихрялся откуда ни возьмись и взметал в воздух пыль. В мареве вокруг жужжали крупные мухи — и через мои ботинки перебирались черные муравьи. Куда бы ни повернулся я, казалось, везде виднелись останки того, что некогда было, но теперь уже не было. Отрезок старого железнодорожного состава там, где когда-то ходили поезда. На боку лежал брошенный волокноотделитель. Заржавленная телефонная будка, провод обрезан, а стекла выбиты. Разлагающаяся туша бизона, с которой койоты еще сдирали мясо. Слева от меня стояло ведро вампума, а справа, приколоченная к телефонному столбу одним длинным гвоздем, — выцветшая афиша концерта, состоявшегося больше поколения назад. Все это казалось мне грустным, важным и отчего-то пронзительным. Странное меня тут ожидает будущее. Но будущее это — *мое*, и в тот миг я был к нему готов больше, чем когда-либо прежде.

Несколько минут спустя туда, где я сидел, подкатил старый пикап, и из него вышел доктор Фелч.

— Простите, что опоздал, Чарли, — улыбнулся он. — Приятно с вами наконец-то встретиться! — Доктор Фелч был сед, в ношенных ковбойских сапогах и зеленой кепке «Джон Дир»¹, а хватка у него оказалась до того крепкая, что мне сплющило руку, когда он ее пожал. — Запрыгивайте, — сказал он и метнул два моих тяжелых чемодана в кузов пикапа, легко, по одному каждой рукой; затем перегнулся через задний борт и сдвинул вбок крупную кипу сена, чтобы чемоданы мои легли ровно. — Извините. Не самый чистый грузовик на свете... — Он жестом пригласил меня в кабину, и я влез.

— Спасибо, что подвозите меня, — сказал я и захлопнул тяжелую дверцу. Кабина внутри была вся замусорена, а на сиденье между нами лежала стопка манильских папок, из которых под разными углами торчали бумажки; сверху

¹ «Джон Дир» — торговая марка корпорации «Deere & Company», производящей сельскохозяйственную, лесотехническую и строительную технику. Компания основана в 1837 г. в штате Иллинойс кузнецом и промышленником Джоном Диром (1804–1886). — *Здесь и далее — комментарии переводчика.*

на ней покоилась коробка с патронами. Пристегиваться доктор Фелч не стал, а с моей стороны ремня не было вовсе — лишь толстый слой грязи в бороздках потрескавшегося винилового сиденья.

— Что вы, что вы, — ответил он. Затем доктор Фелч пояснил, что у него это личная традиция — подбирать всех новоприбывших работников общинного колледжа Коровий Мык, и он истово ее не нарушает вот уже двадцать лет. — В *этом* вот самом грузовичке! — рассмеялся он и завел двигатель, взревший всею мощностью восьми цилиндров. Воздух был жарок, и ни он, ни я стекол не поднимали. Доктор Фелч высунул локоть в окно со своей стороны и на ходу — а к опасным тридцати милям в час он даже не приближался — ему приходилось перекрикивать этот рев восьми цилиндров, летевший снаружи. — Я за это время подобрал так больше двухсот сотрудников, — добавил он. — Аж из самой *Калифорнии* приезжали!

Колледж располагался на другом краю городка, и, катя по пыльной дороге с одной окраины на другую, доктор Фелч показывал мне достопримечательности Разъезда Коровий Мык. Хотя городок и был уныл, в нем таилось некоторое очарование: ржавеющее железнодорожное депо; обшарпанное почтовое отделение с вознесшимся ввысь флагштоком, на котором гордо реял флаг с двадцатью тремя звездами; раскинувшаяся бревенчатая штаб-квартира ранчо «Коровий Мык» — того первого предприятия, что и породило сам городок Разъезд Коровий Мык и дало ему имя. Через милю или около того от автобусной остановки мы проехали знак, приветствовавший нас в Разъезде Коровий Мык — «*Где сходятся миры!*», сулил он, — а еще через несколько миль — одинокий городской универмаг, где у коновязи с двумя лошадьми был припаркован одинокий пикап. Затем мы проехали вдоль кромки пересохшей реки, что завела нас за опустелые сараи и пастбища с разлагающейся на них сельхозтехникой и ссохшимися шкурами скота, сложенными в кипы. Еще нам попались по дороге закрытый ларек снастей и наживки и заколоченный маникюрный салон, а потом мы свернули влево и проехали через городской центр, в котором с закрытыми ставнями стояла мэрия — была суббота, — рядом окружная тюрьма, а через дорогу — здание, в котором размещались местная

газета и однокомнатный музей, посвященный истории животноводства в Разъезде Коровий Мык. Все это, выяснил я, было нерасторжимо связано друг с другом, а почти всё и все, на что и кого доктор Фелч показывал, совсем немного погодя будет как-то соотноситься с моей новой ролью в колледже.

— Тут вот миссис Гризэм живет, — говорил он. — Наш библиотекарь. Вы с нею познакомитесь на общем собрании в понедельник. А вон в том доме раньше жила Мерна Ли, покуда за нею дети из города не приехали и ее не забрали. Она у нас издавна за данные отвечала, но как бы растеряла к концу побрякушки...

В ответ на все это я кивал.

В какой-то момент доктор Фелч вытащил из нагрудного кармана рубашки пачку «Честерфилда».

— Курите? — спросил он.

— Нет, сэр, не курю.

— Вам же хуже, — сказал он и постучал пачкой по рулю, вытряхивая сигарету, затем извлек из кармана книжку спичек. Не притормаживая, он убрал обе руки с руля, чтоб чиркнуть спичкой и прикрыть ладонью пламя, когда прикуривал; грузовичок тут же начал съезжать на встречную полосу, и я машинально потянулся к рулю. Но доктор Фелч лишь рассмеялся:

— Успокойтесь, Чарли... Я машину вожу с восьми лет! — Он выкинул спичку в окно и вновь спокойно взялся за руль.

Держался доктор Фелч дружелюбно и прямо — он просто не мог не нравиться; однако во всех его движениях сквозила заметная напряженность, как будто он пытался вести две беседы сразу. Какое-то время мы ехали молча, и чтобы развеять тишину, я спросил его о своей работе; я так поспешно принял должность координатора особых проектов по телефону, что даже забыл спросить, что мне вообще-то полагается делать в этой роли.

— То есть мне, вероятно, следовало спросить это у вас до того, как я спрыгнул с автобуса.

Доктор Фелч рассмеялся.

— Надо полагать, вам уж очень не терпелось уехать отсюда, где вы были, Чарли?

— Да, наверное. Можно сказать и так...